

В. П. Алексеев

**МАКСИМ ГРИГОРЬЕВИЧ ЛЕВИН — АНТРОПОЛОГ, ЭТНОГРАФ
И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ
[К 80-летию со дня рождения]**

Оценка масштаба деятельности того или иного ученого не бывает постоянной, и часто история вносит коррективы в прижизненные характеристики. Крупный ученый, производивший впечатление яркостью личности, широтой знаний, всесторонним охватом предмета, иногда как бы тускнеет, ссылки на его работы становятся все более и более редкими, и в конце концов его имя переходит в обширный исторический архив, который есть в любой науке.

Нередки и противоположные случаи. Работы, представлявшие рядовыми, через известный промежуток времени начинают привлекать внимание, цитироваться, изложенные в них идеи разрабатываются и открывают новые перспективы исследований, автор с годами как бы «растет».

Максим Григорьевич Левин (1904—1963) как личность в науке не подходит ни под одну из этих двух категорий. И при жизни авторитет его был велик: и коллеги, и ученики воспринимали его как крупную научную величину. Его многочисленные статьи и книги, посвященные разнообразной тематике, отличались постановкой важнейших проблем и тщательной их разработкой, охватом огромного числа данных, и, кроме того, прекрасным литературным стилем¹. Но после смерти Максима Григорьевича влияние его на развитие нашей науки не ослабело, а, наоборот, усилилось. Этот яркий ученый с течением времени воспринимается все крупнее и масштабнее. В 1963 г. его книга по антропологии и этногенезу народов Сибири и Дальнего Востока была издана в США, ссылки на нее постоянно встречаются в литературе, и она давно стала классическим произведением, демонстрирующим лучшие стороны морфологического подхода к решению генетических вопросов расоведения и географического метода в анализе вариаций отдельных признаков. В 1971 г. вышла в свет книга по антропологии Японии, показавшая Левина как тонкого аналитика в интерпретации количественно очень обширных и поэтому трудных для систематизации данных. Многие темы, лишь вскользь затронутые или намеченные в кратких формулировках, послужили предметом дальнейших разработок². Привлекают внимание и отдельные эпизоды научной деятельности Максима Григорьевича Левина³. Таким образом, он остается живой фигурой в современном развитии антропологии и этнографии, и рассмотрение исключительно многообразных аспектов его творческой деятельности имеет актуальное значение.

¹ Список основных работ М. Г. Левина см. в статье «Памяти Максима Григорьевича Левина». — Сов. этнография (далее — СЭ), 1963, № 4.

² См., например: Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина). — СЭ, 1970, № 6.

³ Вайнштейн С. И. Первая советская этнографо-антропологическая экспедиция в Туву. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 110. М.: Наука, 1982.

Левин прожил короткую жизнь и ушел от нас в возрасте 58 лет. Он родился в 1904 г. Московский университет окончил уже в советское время, когда кафедру и Институт антропологии МГУ возглавлял В. В. Бунак. Под руководством Бунака, еще студентом, он осуществил и первую свою значительную экспедиционную поездку в Туву для изучения антропологии и этнографии тувинцев. Может быть, именно тогда зародилась у Максима Григорьевича любовь к сибирским просторам, которую он пронес через всю жизнь.

После окончания университета Левин — в Музее народоведения и потом на далекой сибирской фактории, на Дальнем Востоке. Через два года он возвращается в Москву, и после этого его жизнь постоянно связана со столичными учреждениями — сначала с Институтом антропологии МГУ, затем с Институтом этнографии АН СССР. В Институте антропологии он — ученый секретарь, в Институте этнографии — заместитель директора по научной части (с 1944 г.) и заведующий отделом антропологии (с 1949 г. до конца своих дней). Параллельно с организационной работой М. Г. Левин уделял много времени и сил научно-изыскательской деятельности, был ответственным редактором «Кратких сообщений Института этнографии АН СССР» (вышло 38 выпусков), постоянным членом редколлегии журнала «Советская этнография», возглавлял редколлегии многих крупных коллективных изданий, из которых в первую очередь следует назвать том «Народы Сибири» в многотомной серии «Народы мира», переведенный на английский язык и изданный в США, и огромный уникальный по обобщенным в нем материалам «Историко-этнографический атлас Сибири».

Может быть, загруженностью организационными делами, а может быть, и какими-то внутренними причинами — требовательностью к себе или недостатком времени для оформления результатов исследований в крупной итоговой форме — объясняется то на первый взгляд парадоксальное обстоятельство, что М. Г. Левин поздно, лишь в 1957 г., защитил докторскую диссертацию. Для нас, окружавших его молодых сотрудников, в этом было что-то странное: многие защитили кандидатские диссертации после аспирантуры в 26—30 лет, и он имел ту же степень! Однако то, что казалось странным молодежи, совершенно не заботило его коллег, все относилось к нему с особенным уважением и, я бы даже не побоялся сказать, пиететом, всегда обращались к нему как к арбитру в решении самых сложных научных вопросов, и он нес приятное, но в то же время и очень обязывающее бремя всеобщего уважения с исключительным блеском и эрудицией. Насколько я могу теперь понять, его мало заботило официальное признание его места в науке. Известность и авторитет его как профессионала высокого класса были прочны и непререкаемы, не зависели ни от каких званий, и он не мог не сознавать этого.

Большая организаторская работа счастливым образом сочеталась у Левина с интенсивной экспедиционной деятельностью и активным участием в научных сессиях, конгрессах и симпозиумах. Он умел и любил делать доклады, блестяще руководил научными дискуссиями, как бы остры они ни были, с успехом читал популярные лекции о кардинальных проблемах антропологии и этнографии. Разрабатываемая им тематика нашла превосходное отражение в его докладах на ряде международных симпозиумов и конгрессов.

Но, бесспорно, главным содержанием жизни Максима Григорьевича была постоянная ежедневная научная работа. Кто-то сказал, что основные вехи биографии ученого — книги. Мы очень часто встречали Левина в хранилищах фондов научных коллекций, видели его в библиотеках, заставляли в тесном помещении Отдела антропологии, когда он, пристроившись где-нибудь в углу, быстро набрасывал своим характерным стремительным почерком текст очередной статьи или заметки. Так прошла насыщенная трудом и творчеством жизнь, оставившая яркий след в истории советской антропологии и этнографии.

Ранние работы

Начало творческого пути далеко не всегда предопределяет его дальнейшее развитие, но оно всегда интересно как точка отсчета, как материал для сопоставления с характером последующего творчества. Многие темы, намеченные в начале пути, развиваются и реализуются всю жизнь — так бывает часто. Но нередко бывает и наоборот: первые работы оказываются случайными по теме, и дальнейшее развитие мысли ученого идет новыми путями.

В ранних работах М. Г. Левина четко прослеживается одна особенность, свойственная ему как личности в науке и впоследствии — исключительная жажда знания и огромный диапазон разрабатываемых проблем. Будучи глубоким и очень сильным профессионалом в антропологии и этнографии, он прекрасно знал конкретную археологию, внес неопенимый вклад в изучение археологии северо-востока Азии, но археологом себя не считал, да и вообще археология занимала среди его интересов место после антропологии и этнографии. Но уже в первых работах замечен интерес к разнообразным научным темам, лежащим в рамках различных наук, видно, как молодой ученый стремится реализовать в своей деятельности энциклопедизм времен Анучина. Биология человека и его культура рассматриваются как единая динамическая система, как громадный макрокосм, в основе жизни и развития которого лежат единые закономерности.

В антропологии Левин начал как краниолог. 20—30-е годы были годами значительного внимания к разработке методики антропологического изучения живого человека. В связи с этим были предложены и активно обсуждались разные методические приемы преодоления известной субъективности, свойственной таким исследованиям, — субъективности, не до конца преодоленной до сих пор. При меньшей информативности краниологии по сравнению с соматологией она дает вполне объективные результаты, и, может быть, этим объясняется тяга к ней молодого специалиста.

Он обрабатывает краниологические коллекции, хранящиеся в фондах Музея антропологии и этнографии АН СССР и Музея антропологии при МГУ. В результате появляются статьи о краниологическом типе ульчей, калмыков, хантов. Краниологические особенности этих народов не были известны ранее, и поэтому все эти статьи ввели в науку новую и чрезвычайно важную информацию. Но молодой автор не ограничивается этим: в заметке о хантах, например, на основании рассмотрения краниологических вариаций была высказана мысль о формировании их антропологического облика в процессе смешения европеоидного и монголоидного компонентов. Она оказалась чрезвычайно плодотворной, породила многочисленные разработки и дискуссию, которая во многих своих аспектах продолжает оставаться актуальной и в настоящее время.

Совместно с А. М. Золотаревым была написана статья о происхождении оленеводства. Она была опубликована в сборнике, включившем материалы специального совещания, организованного в 1934 г. Н. И. Вавиловым и посвященного обсуждению проблемы происхождения домашних животных и, в частности, установлению центров их domestikации. Авторы были единственными этнографами, выступившими на страницах этого сборника, и привели чрезвычайно разнообразную и очень убедительную этнографическую аргументацию в пользу алтае-саянского центра одомашнивания северного оленя. На карте центров domestikации животных, составленной под руководством Н. И. Вавилова и опубликованной в том же сборнике в статье С. Н. Боголюбского, район одомашнивания северного оленя приурочен к Алтае-Саянскому нагорью в значительной мере под влиянием статьи Левина и Золотарева, и при всех дальнейших разработках этой темы исследователи исходили из идеи алтае-саянской прародины оленеводства⁴.

⁴ В качестве примера см.: *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии. (1. Саянский очаг одомашнивания оленя). — СЭ, 1970, № 6; см. также

Наконец, статья об этнографических параллелях находкам изображений рыб из неолитических погребений в районе Байкала ввела в науку обширный новый материал, показавший распространение образа рыбы во многих поздних сибирских культурах и в недавнем искусстве современных сибирских народов. Это позволило автору говорить о широких культурно-исторических связях позднего населения Сибири с древним, т. е. впервые подойти к вопросу, рассмотрение которого в полном объеме он осуществил в своей докторской диссертации, опубликованной в 1958 г. и составившей упомянутую выше книгу об антропологии и происхождении народов Сибири и Дальнего Востока.

Итак, уже в ранних работах М. Г. Левина видна редкая исследовательская широта — качество, получившее дальнейшее развитие во всем его последующем научном творчестве.

Региональные антропологические исследования

Никакое фундаментальное обобщение невозможно без объемного охвата фактических данных. В преобладающем числе случаев антрополог добывает эти данные в экспедициях. М. Г. Левин почти каждое лето уезжал в экспедиции, планомерно охватывая в Сибири регион за регионом. После Тувы и Алтая он работал у эвенков на Байкале и у эвенов Охотского побережья. Собранные им в этих экспедициях антропологические материалы были опубликованы лишь в 1947 г.

Во время Великой Отечественной войны Максим Григорьевич был в эвакуации в Средней Азии, где столкнулся с новым для себя этнографическим и антропологическим миром. Несмотря на тяжелые условия жизни, он пристально вглядывается в этот мир и, как всегда, обращает внимание на самые серьезные проблемы, волновавшие науку того времени. В довоенные годы Е. В. Жиров, изучавший разные формы искусственной деформации головы, утверждал, что эта деформация связана с использованием для детей специальной колыбели — бешика. Левин произвел измерение обширного контингента туркмен и убедительно доказал, что долихокефалия является стойкой отличительной особенностью антропологического типа разных групп туркменского народа, что она генетически предопределена, а не образуется искусственно вследствие использования колыбели. Последующие исследования подтвердили этот вывод ученого⁵.

В первые послевоенные годы М. Г. Левин продолжил сбор антропометрических данных среди тунгусо-манчжурских народов Сибири, в частности в бассейне Амура. Им были охвачены все тунгусоязычные этнические группы, проживающие в бассейне Нижнего Амура, а также нивхи Нижнего Амура и Сахалина. Это было первое антропологическое обследование коренного населения южной части Дальнего Востока, проведенное на уровне современной антропологической методики и поэтому полностью сохранившее свое значение до настоящего времени.

Параллельно с изучением территориальных вариаций антропологического типа тунгусо-манчжурских народов Левин вел антропологические исследования и других народов Сибири. Он был первым советским антропологом, начавшим работать на территории Якутии и собравшим антропометрические данные по основным территориальным группам якутского народа. Представленная им картина локальных вариаций антропологического типа якутов и выводы об отсутствии закономерных типологических различий между определенными территориальными группами также получили полное подтверждение в ходе дальнейших исследований⁶. Работал Максим Григорьевич и в южных областях Си-

Шлыгина Н. В., Чистов К. В. V Международный финно-угорский конгресс в Турку. — СЭ, 1963, № 4.

⁵ Дунаевская Т. Н. Влияние искусственной деформации на форму головы у туркмен. — Вопр. антропологии, 1963, вып. 15.

⁶ Золотарева И. М. Территориальные варианты антропологического типа якутов в связи с проблемой их происхождения. — В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975.

бири, где им были повторно, вслед за А. И. Ярхо, изучены тувинцы, включая и тувинцев-тоджинцев, и отдельные территориальные группы бурят.

В 50-е годы экспедиционные интересы Левина все более перемещаются на северо-восток Азии. Еще не выезжая на Чукотку, он опубликовал два фундаментальных исследования. Первое было посвящено характеристике краниологического типа чукчей и эскимосов (по коллекциям отечественных музеев); в нем помимо ценной антропологической информации содержалась убедительная и первая в антропологической литературе критика гипотезы «эскимосского клина», предложенной в свое время Ф. Боасом и В. Г. Богоразом. Второе исследование представляет обзор динамики признаков во времени в пределах эскимосского ареала, опирающийся на сопоставление опубликованных преимущественно А. Хрдличкой данных о сериях древних и близких к современности эскимосских черепов. Аргументируя генетическую преемственность древних и современных групп эскимосов, Левин доказал проявление и в данном случае процесса брахицефализации, столь широко распространенного по ойкумене. Это позволило отказаться от гипотезы смены населения в промежутке времени между рубежом нашей эры и современностью и, следовательно, значительно удреэвнить истоки генезиса антропологического типа и культуры эскимосов.

Начав полевые экспедиционные исследования на Чукотском полуострове, ученый уже располагал результатами соматологического обследования чукчей и эскимосов, осуществленного Г. Ф. Дебецом. Поэтому он счел необходимым расширить программу сбора данных и включить в нее генетические маркеры и микроморфологические признаки. Собрать информацию о группах крови АВО и MN было в те годы трудным делом — сказался длительный перерыв в соответствующих исследованиях, не благоприятствовал и сложившийся в те годы в биологии психологический климат, но Левина это не остановило. В результате были собраны популяционно-генетические данные не только по чукчам и эскимосам, но и по эвнам Охотского побережья. Это было началом очень многосторонних и широких по географическим масштабам работ по изучению групповых факторов крови у населения СССР, которые были продолжены другими исследователями и нашли свое первое отражение уже в докладах советской делегации на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в 1964 г. в Москве. Опубликованная М. Г. Левиным совместно с Т. Д. Гладковой статья впервые ввела в науку данные по дерматоглифике народов северо-востока Азии.

Предыдущий обзор показывает, что в экспедиционных исследованиях, охвативших все узловые в этническом отношении районы Сибири и Дальнего Востока, М. Г. Левин проявил себя как универсал, владевший практически всеми доступными в его время методиками полевого сбора данных и их обработки.

Палеоантропология Сибири

Работы Левина по антропологии древнего населения Сибири неразрывно связаны с изучением неолитического населения трансбайкальской области и проблемой его генезиса. Промежуточное по многим признакам положение неолитических черепных серий из Прибайкалья между европеоидными и монголоидными сериями, обратившее на себя внимание уже с первых палеоантропологических работ, было истолковано как свидетельство смешанного происхождения неолитических популяций. В 1951 г. Г. Ф. Дебец после повторной обработки материалов по палеоантропологии Прибайкалья неожиданно отказался от этой им же аргументированной точки зрения и выступил с гипотезой недифференцированного происхождения неолитического населения Прибайкалья. Две наиболее фундаментальные работы Левина по времени последовали за этой «ревизией» прибайкальских неолитических материалов.

Парадоксально на первый взгляд, что одна из этих работ посвящена единичной находке. Речь идет о черепе из Шилкинской пещеры, раскопанной А. П. Окладниковым и давшей богатое погребение глазковского времени. При всей условности определения расового типа индивидуума череп из этого погребения отличался столь сильно выраженными монголоидными особенностями, что в принадлежности его представителю байкальской расы не могло быть сомнения. На основании морфологических особенностей этой находки, а также антропологического типа населения, оставившего Фофановский могильник в Забайкалье, был сформулирован аргумент против гипотезы недифференцированности антропологического состава неолитического населения Прибайкалья, который и сейчас остается одним из важнейших,— монголоидные особенности выражены за Байкалом сильнее, чем в Прибайкалье, что легко объяснимо с позиции распространения европеоидного населения с запада на восток, но не находит удовлетворительного истолкования в рамках гипотезы недифференцированности.

Вторая из этих работ — скрупулезное описание скелетов из Верхоленского неолитического могильника, давшего хронологически разновозрастные погребения и поэтому во многом ключевого для установления относительной хронологии неолитических памятников Прибайкалья⁷. Максим Григорьевич сумел выделить формы с отчетливо выраженной европеоидной комбинацией признаков и этим морфологически доказать проявление в популяции, оставившей могильник, механического смешения и наличие европеоидной примеси. Хотя вопрос о наличии европеоидной примеси в составе неолитического населения Прибайкалья все еще остается предметом дискуссии, аргументы, выдвинутые Левиным, играют чрезвычайно важную роль.

Классификация и генезис азиатских монголоидов

Уже первая формулировка гипотезы смешанного происхождения уральской расы и палеоантропологические доказательства наличия европеоидной примеси в составе неолитического населения Прибайкалья сохраняют имя Левина в истории разработки антропологической классификации сибирских монголоидов. Большой знаток истории вопроса, он опубликовал и первый подробный обзор изучения антропологии Северной Азии, а также интересный и содержательный очерк последовательного изменения взглядов на классификацию азиатских монголоидов в мировой антропологической науке в зависимости от состояния фактических знаний в ту или иную эпоху и теоретических взглядов того или другого исследователя.

Известную роль в утверждении смешанного происхождения южных монголоидов и значительной примеси в их составе негро-австралоидных элементов сыграло и опубликованное М. Г. Левиным в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым первое на русском языке изложение результатов антропологических исследований в странах Юго-Восточной Азии. Однако основная заслуга М. Г. Левина в разработке проблем антропологической систематики лежит в выделении особого комплекса признаков в составе коренных народов Дальнего Востока, обосновании его высокого таксономического положения и выяснении его генезиса. Речь идет об амурсахалинской расе, представленной в составе нивхов. Их морфологическое своеобразие — усиление роста бороды по сравнению с тунгусо-манчжурскими народами Амура, потемнение пигментации, ослабление развития монголоидных особенностей глазной области — можно было бы попытаться объяснить в рамках метисационной гипотезы или изолированным географическим положением, и любой другой менее квалифицированный исследователь так бы и поступил. Но свойственные Левину широта кругозора и тонкая морфологическая интуиция позволили ему сразу же увидеть в данном случае реликт древних расогенетических

⁷ Окладников А. П. Верхоленский могильник — памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1978.

процессов, самостоятельный очаг расообразования наряду с байкальским, центральноазиатским и арктическим. В таксономической системе азиатских монголоидов амуро-сахалинская раса образует, как и байкальская, центральноазиатская и арктическая, самостоятельное подразделение, и ее таксономическая самостоятельность была подтверждена также генетическими и микроморфологическими наблюдениями⁸.

Установление генезиса любой морфологической комбинации признаков, особенно при отсутствии палеоантропологических данных, требует от исследователя большого такта и широкого взгляда на предмет исследования, в какой-то мере и отказа от традиционных норм господствующих концепций. Исходя не только из морфологического своеобразия нивхов, но и из бесспорного факта наличия южной примеси в антропологическом составе арктических монголоидов, Левин аргументировал точку зрения, которая и сейчас стимулирует дальнейший исследовательский поиск. Согласно ей, все азиатское побережье Тихого океана (и прежде всего южная его часть) представляло собой арену контактов древних формаций континентальной и тихоокеанской ветвей монголоидной расы, вследствие которых и сложились морфологические особенности нивхов. Таким образом, эти особенности доносят до нас представление об очень ранних донеолитических стадиях расообразования.

Методические вопросы

По характеру своих интересов Максим Григорьевич не уделял большого внимания методическим вопросам антропологического анализа, но отчетливо понимал их значение и при необходимости касался их в своих работах. В результате и в этой области антропологии ему удалось сказать веское слово.

В упомянутой выше статье об антропологических особенностях черепа из Шилкинской пещеры был предложен в качестве стандартного набор краниологических признаков с соответствующими цифровыми и буквенными обозначениями. В тех случаях, когда размер не имел традиционного буквенного или цифрового обозначения, он был показан в соответствии с опорой на буквенные обозначения точек, восходящие к английской биометрической шкале. Этот стандартный набор признаков лег в основу краниологического бланка, которым мы с небольшими модификациями пользуемся до сих пор.

Помимо упорядочения техники краниологических измерений Левин посвятил и специальную работу узкометодическому вопросу, имеющему тем не менее большое значение, а именно вопросу о диагностической оценке формы скуловой вырезки в качестве краниологического признака, дифференцирующего монголоидов и европеоидов. Способы измерения вариаций формы, им самим разработанные, и измерение с их помощью черепов монголов и теленгетов как представителей монголоидной расы и черепов осетин и армян как представителей европеоидных популяций, убедительно продемонстрировали, что глубина скуловой вырезки является чувствительным разграничительным признаком и может использоваться в дифференциации монголоидных групп с не меньшим успехом, чем углы горизонтального и вертикального профиля лицевого скелета. При этом важно отметить, что углы можно измерять лишь на полностью или почти полностью сохранившихся черепках, тогда как измерение формы скуловой вырезки осуществимо и тогда, когда в руки краниолога попадает дефектный материал.

История антропологической науки

В нашу эпоху, когда исключительно развит интерес к истории науки, над разработкой которой трудятся большие научные коллективы, трудно понять, что еще три-четыре десятилетия тому назад этим занимались

⁸ Бахолдина В. Ю. Антропология и популяционная генетика нивхов: Автореф. канд. дис. на соиск. уч. ст. канд. биол. наук. М.: МГУ, 1982.

лишь отдельные энтузиасты. Левин принадлежал к их числу, и ему мы обязаны тем, что антропологическая наука (особенно русская антропология) стала осознаваться как самостоятельная и очень важная область знания. Должен специально подчеркнуть, что ему как историку науки был присущ свой стиль, не вполне традиционный. Скажем, такие выдающиеся знатоки истории биологии, как Б. Е. Райков и С. М. Соболев уделяли огромное внимание архивным изысканиям и ввели в науку громадное количество не публиковавшихся ранее архивных документов. Левин не работал в архивах, но очень внимательно и исчерпывающе изучал публикации не только антропологов и этнографов, но и всех писавших о человеке, его культуре и истории. Энтузиаст антропологии и этнографии находил в этих работах много замечательных мыслей, по-новому освещавших историю разработки антропологической проблематики.

Любимым жанром Левина была научная биография того или иного крупного деятеля науки или культуры, т. е. не изложение событий его личной судьбы, а характеристика его научных исследований и идей на фоне состояния развития науки определенной эпохи. Так нарисованы портреты Бэра и Богданова, так написаны статьи об антропологических взглядах русских революционных демократов и Герцена. Автор показал широкий общественный резонанс их научных публикаций о человеке, а также большой интерес к ним передовых слоев общества, немедленное включение результатов антропологических изысканий в трактаты по общим вопросам философии и истории культуры.

Однако эти частные работы не исчерпывают заслуг Максима Григорьевича в области истории антропологии. Его перу принадлежит первый очерк истории антропологической науки в России и СССР, начиная с самых истоков антропологических знаний в петровскую эпоху и кончая 50-ми годами нашего столетия. Создание общей панорамы движения мысли в какой-либо отрасли знания требует большой дополнительной работы по сравнению с характеристиками отдельных творцов науки, а очерк Левина читается плавно, в него введено много второстепенных имен с изложением и оценкой содержания их работ; при сравнительно небольшом объеме книга эта — последовательное повествование, вскрывающее логику развития самой науки и содержащее обоснование его периодизации. Поэтому, несмотря на появление многих новых исследований отдельных проблем истории антропологии, очерк Левина и сейчас остается основным сочинением, дающим обзор истории антропологической науки в России и СССР в целом.

Археология северо-востока Азии

Полевые работы ученого на Чукотском полуострове не ограничились сбором только антропологической информации — Левин выступил как археолог, внесший неоценимый вклад в познание древнейших этапов развития культуры на северо-востоке азиатского материка. Он начал, как всегда, с очень внимательного и нетривиального прочтения литературы: первой работой, заявившей о нем как о незаурядном знатоке древнеэскимосских культур, стала скромная рецензия на книгу С. И. Руденко «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема», вышедшую в 1947 г. Автор книги аргументировал гипотезу об оквикской стадии (стоянка Оквик, открытая эскимосами на одном из Пунукских островов и описанная американским археологом Ф. Рейни) как о древнейшей в истории древнеэскимосской культуры. М. Г. Левин показал недостаточность его аргументации как с узкохронологической, так и с типологической точек зрения и противопоставил ей представление о широком распространении древнеберингоморской стадии, как исходной для последующего развития более поздних древнеэскимосских культур — представление, оказавшееся чрезвычайно плодотворным и ныне разделяемое подавляющим большинством специалистов.

Однако значительно более весомы самостоятельные раскопки М. Г. Левина на Чукотском полуострове. После открытия Д. А. Серге-

евым в 1955 г. Уэленского могильника на горе близ пос. Уэлен М. Г. Левин возглавил работу отряда, проводившего раскопки этого памятника. Богатый инвентарь древнеэскимосских погребений был им опубликован в ряде предварительных сообщений совместно с Сергеевым, было установлено спорадическое использование предками эскимосов на древнеберингоморской стадии орудий из железа. Вместе с результатами палеоантропологического исследования все это серьезнейшим образом обогатило наши знания о древнем прошлом эскимосов, и только преждевременная смерть помешала ему принять участие в написании обобщающего труда, подводящего итог изучению всего комплекса материалов из раскопок этого могильника. Авторы этого труда — С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев посвятили книгу его памяти⁹.

Нельзя не вспомнить и участие Максима Григорьевича в раскопках другого замечательного древнеэскимосского памятника — Эквенского могильника. Могильник был открыт на основании сообщений геологов Д. А. Сергеевым в 1961 г., и поэтому Левин мог участвовать лишь в первом раскопном сезоне 1962 г. Он был уже тяжело болен, но никто не мог отговорить его преодолеть трудный путь (из-за скверных погодных условий в том году он добирался до места раскопок около 20 дней), чтобы ознакомиться с вновь открытым памятником.

Историко-этнографическая типология и проблема этногенеза

В классической работе М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, вышедшей в 1955 г., впервые была предложена четкая граница между тем комплексом культурных явлений, который был назван С. П. Толстовым хозяйственно-культурным типом и который конвергентно образуется в неродственных этнических группах в силу приспособления к географической среде, и историко-этнографическими общностями в собственном смысле слова, т. е. сочетаниями культурных элементов, складывающимися в ходе общих исторических процессов, как писали авторы — «общности исторической судьбы». Объединение народов по сходству культурных элементов занимало большое место в работах этнографов разных школ и научных направлений начиная с конца прошлого века. Такие объединения носили разные наименования — «культурные круги», «культурные ареалы» и т. д., но само содержание, вкладываемое в эти термины, оставалось неопределенным: не было четкого понимания того, какие элементы культуры изменяются в процессе историко-этнических контактов, а какие — в ходе географической адаптации, не было поэтому и ясного представления о том, как ретроспективно реконструировать историческую динамику, опираясь на наблюдаемые в современности этнографические факты. Теоретически оправданная и практически удобная дефиниция, предложенная в рассматриваемой статье, обеспечила ей вечную жизнь, она и сейчас остается одним из наиболее часто цитируемых произведений этнографической литературы на русском языке, хотя в практическом исследовании и не всегда легко реализовать изложенные в ней рекомендации.

Эта работа М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова часто оценивается как наибольший вклад их в историко-этнографическую типологию, но не меньшее значение, на мой взгляд, имеет небольшая заметка М. Г. Левина об историческом соотношении хозяйственно-культурных укладов у народов Сибири, составившая автореферат доклада, прочитанного на заседании ученого совета Института этнографии АН СССР в Ленинграде в 1945 г. Сам он всегда рассматривал эту заметку как конспект книги, для которой было накоплено много материалов (к сожалению, она так и не была написана). Подвергнув убедительной критике взгляды К. Биркет-Смита, В. Г. Богораза и А. М. Золотарева, считавших исходным культурно-хозяйственным комплексом, на основе которого развились все

⁹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.: Наука, 1969.

остальные, культуру рыболовов, зимой промышлявших рыбу подледным ловом, Левин показал развитую специализацию этой культуры, что явно не соответствует исходному историко-культурному состоянию. В противовес этому им была выдвинута гипотеза комплексной охотничье-рыболовческой культуры в качестве исходной, аргументированная как общекультурными соображениями, так и археологическими данными и позже развитая рядом специалистов. При остающейся неясности многих вопросов хронологического соотношения хозяйственно-культурных типов у древних и современных народов Сибири гипотеза Левина и сейчас составляет основу многих дальнейших разработок благодаря широкому охвату имеющейся информации о всех вариантах хозяйственной деятельности автохтонного населения Сибири в их исторической динамике и непредвзятой объективной трактовке этой информации.

К работам по историко-культурной типологии примыкают исследования по этногенезу. Левин был одним из крупнейших знатоков и исследователей этногенеза конкретных народов уже тогда, когда в советской антропологии и этнографии еще только закладывались основы научного подхода к такому сложному историческому явлению, как этногенез. По сути дела все его публикации по антропологии Сибири имели своей конечной целью решение этногенетических проблем. Накопленный им опыт нашел отражение в первой в мировой литературе статье, содержавшей формулировку методологических и методических принципов использования антропологических данных в этногенетической реконструкции (написана в соавторстве с Г. Ф. Дебецом и Т. А. Трофимовой). В частности, очевидный теперь тезис о том, что появление нового антропологического комплекса всегда есть следствие брачных контактов, тогда как появление нового языка и новых культурных особенностей может иметь место и в результате простого влияния без каких-либо брачных связей, не осознавался до публикации этой статьи. При этом Левин не только разрабатывал проблемы этногенеза, но и популяризировал достижения советской науки в этой области за рубежом. Так, он выступил с блестящим докладом об общих проблемах этногенеза и роли в их решении этнографических и антропологических данных на VI Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в 1960 г. в Париже.

Критическая оценка буржуазных концепций

Всестороннее знакомство с состоянием мировой науки позволяло Максиму Григорьевичу выступать тонким и вдумчивым критиком теоретических концепций многих буржуазных школ и их отдельных наиболее крупных представителей. При этом он был неизменно корректен, умел увидеть и подчеркнуть рациональное даже в ошибочной гипотезе и был нетерпим, лишь сталкиваясь с проявлениями расизма. Всем крупным работам Левина предпосланы тщательные историографические обзоры соответствующих проблем, изобилующие детальными наблюдениями над преемственностью идей и литературными ссылками. Он любил говорить, что составить *почти полную* библиографию не сложно, исключительно трудно составить *полную* библиографию, ибо какой-то ничтожный процент статей все-таки остается неучтенным, но сам он всегда стремился исчерпать литературу по исследуемой теме. Поэтому оценить критическую часть литературного творчества М. Г. Левина, — по-видимому, задача специальной работы, и здесь я ограничусь лишь единичными примерами.

В 1943 г. Ф. Вайденрайх опубликовал монументальную книгу о строении черепа синантропа, содержавшую помимо фактических данных развернутое изложение полицентрической концепции происхождения человека современного вида. При изложении дискуссии между сторонниками полицентрических и моноцентрических взглядов в советской литературе принято критику полицентризма целиком связывать с деятельностью Я. Я. Рогинского, которому действительно принадлежит выдающаяся заслуга в обосновании и развитии моноцентрической точки зрения. Одна-

ко исторически справедливо подчеркнуть, что первая в литературе критическая оценка взглядов Вайденрайха принадлежит Левину, опубликовавшему рецензию на книгу о черепе синантропа. Прежде всего, Левин подробно изложил концепцию Вайденрайха, ознакомив с ней советскую научную общественность. Но он же указал и на слабости этой концепции — известные натяжки в истолковании некоторых морфологических фактов, отсутствие в ряде случаев ощутимой морфологической преемственности между ископаемыми формами и современными расами, наконец, просто отсутствие палеонтологических подтверждений для отдельных постулированных Вайденрайхом линий развития и известную ортогенетическую направленность совокупности его взглядов в целом. Все последующее критическое рассмотрение теоретических позиций Вайденрайха пошло по путям, намеченным в рассматриваемой рецензии.

В написанном совместно с С. А. Токаревым обзоре изданного в Вене в 1953 г. сборника «Культура и язык» дана содержательная оценка венской культурно-исторической школы, показаны ее связи со многими философскими школами идеалистического толка, подвергнуто всестороннему разбору и критике понятие исторического, столь важное в системе взглядов деятелей этой школы и в то же время не имеющее ничего общего с подлинным историзмом. Взгляды представителей культурно-исторической школы претерпели значительную динамику, и авторы обзора в лучших академических традициях демонстрируют эту динамику, обнаруживая осведомленность как в общих, так и в частных вопросах этнографии и сравнительного культуроведения. Но статья в соавторстве с Я. Я. Рогинским, посвященная англо-американскому расизму, написана резко и остро полемично, порой желчно. В ней нет следа обычного для Левина академичного стиля — повторяю, он был совершенно нетерпим к любым проявлениям расизма и даже в разговоре отзывался о них с презрением и сарказмом.

Здесь же нужно упомянуть еще одно важное критическое исследование М. Г. Левина — его статью о происхождении расового типа пигмеев. Широкое привлечение всей наличной антропологической и этнографической информации позволило ему подвергнуть тщательному разбору старую гипотезу Р. Кольмана — о пигмейском комплексе признаков как исходном для человека современного вида, — принятую и популяризируемую представителями культурно-исторической школы. М. Г. Левин показал, что лежащие в основе этой гипотезы аргументы либо не выдерживают критики с позиций современной науки, либо основаны на случайных и недостоверных фактах.

Преподавание и учебная литература

Добротный материал, облеченный в скучную форму, также скучен для усвоения, как и красивое пустозвонство, не содержащее никаких мыслей. Левин прожил активную творчески напряженную жизнь, все время был на переднем крае научных открытий в антропологии и этнографии и мог поэтому многое сказать студентам. Но он еще и знал, как сказать; будучи превосходным оратором яркого взрывного стиля, говорившим очень легко, красочно и парадно, он умел сделать свои лекции и практические занятия не только насыщенными по содержанию, но и увлекательными по форме. Студенты любили прекрасного педагога, хотя он вел два труднейших предмета, перегруженных деталями, — общую этнографию, включавшую и обзор народов мира по странам и материкам, и большой практикум по морфологии мозга.

Но не только в воспитании многих поколений специалистов заслуга М. Г. Левина перед отечественным просвещением. В 50-е годы им совместно с Я. Я. Рогинским был написан большой учебник «Основы антропологии», впервые вышедший в 1955 г. и затем выдержавший еще два издания. И поныне по нему учатся студенты, частенько заглядывают в него аспиранты и научные сотрудники, — в книге охвачены и глубоко изложены все разделы антропологии, предложена продуманная структура

антропологического знания, весь текст иллюстрирован многими оригинальными картами и графиками, авторы ввели в него результаты своих оригинальных разработок. Поэтому «Антропология» (это название книга получила со второго издания) и по сей день рассматривается не только как пособие, предназначенное для учебных целей, но и как богатая фактами и идеями сводка антропологических знаний.

Организация науки

Занимая почти 20 лет пост заместителя директора Института этнографии АН СССР, Максим Григорьевич как-то легко и незаметно делал всю административную работу, был доступен и прост, с его уст легко слетала шутка и в коридоре института часто слышался беззаботный смех. Глядя на него, можно было подумать, что руководство сложным институтским хозяйством — совсем пустяковое дело, не требующее ни больших затрат времени, ни нервных усилий. Между тем сотрудники института знали, сколько ума, такта, понимания чужой души, заботы о людях, изобретательности, наконец, просто человеческой теплоты он вкладывал в административную работу, как серьезно он относился к организации экспедиций и итогам их работы (на протяжении многих лет на страницах журнала «Советская этнография» ежегодно появлялась его статья с обзором работы институтских экспедиций соответствующего года), сколько труда было вложено в редактирование «Кратких сообщений Института этнографии АН СССР», выходявших с 1946 по 1963 г.

Работа над редактированием этого издания особенно примечательна. Левин ни на минуту не пускал ее на самотек, неоднократно обращался к сотрудникам института на ученых советах и совещаниях с просьбой писать статьи для «Кратких сообщений», не жалел времени на убеждение тех, у кого, по его мнению, были интересные темы и материалы, самым внимательным образом прочитывал весь редакционный портфель. Именно поэтому в 38 выпусках «Кратких сообщений Института этнографии АН СССР» опубликовано так много ценных статей, ссылками на которые полны все современные этнографические и антропологические работы.

Широта образования вместе с проникновенным умом и редким душевным тактом делали Левина незаменимым руководителем многих авторских коллективов. Вместе с Л. П. Потаповым он был главным редактором таких монументальных коллективных трудов, как «Историко-этнографический атлас Сибири» и «Народы Сибири» в серии «Народы мира», возглавлял редколлегии многих других этнографических и антропологических сборников и монографий.

Заключение

Предыдущий обзор показывает многообразие исследовательских тем, которыми занимался Максим Григорьевич Левин, глубину их разработки и оригинальность многих выдвинутых идей. Эти темы в полной мере принадлежат двум наукам — антропологии и этнографии, что кажется невероятным в наш век научной специализации. Книги и статьи Левина широко цитируются и используются в современных работах, они органично вплелись в живую ткань науки сегодняшнего дня. Поэтому, уйдя от нас 21 год назад, Максим Григорьевич Левин остается нашим современником.